

КАГИСТАНЪ ¹⁾.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ).

Гл. I.

Завоеваніе Кагистана.

Мы поднимались на одинъ изъ переваловъ отрога Заравшанскаго хребта. По узкой тропѣ, пролежавшей среди разбросанныхъ огромныхъ камней и уходившей, казалось, къ самымъ облакамъ, медленно, шагъ за шагомъ, шли осторожно горные кони. Впереди виднѣлась характерная фигура проводника. То исчезая въ волнахъ густого бѣло-молочнаго тумана, то появляясь изъ-за него на какомъ-нибудь огромномъ камнѣ и на мгновеніе застывая въ красивой позѣ, онъ такъ и просился на полотно картины. Порою тропа проходила по самому краю бездонной пропасти, въ глубинѣ которой, страшно далеко внизу, слышался ревъ Заравшана, зеленоватая холодная волны котораго перекачивались черезъ скалы и, падая съ вышины внизъ, образовывали водопадъ.

Вѣтеръ, разрывая волны тумана, давалъ возможность на нѣсколько мгновеній видѣть хребты горъ, поднимавшіеся со всѣхъ

¹⁾ Кагистаномъ называются горныя волости, расположенныя по рѣкѣ Заравшану.

сторонъ, но затѣмъ все снова закрывалось густымъ туманомъ, среди котораго пришлось ѣхать еще цѣлый часъ.

Чтобы скоротать время, я заговорилъ съ проводникомъ.

— Что жарко здѣсь бываетъ лѣтомъ?

— Нѣтъ, тюра! Горный воздухъ всегда свѣжъ и живителенъ для человѣка, умѣряя солнечные лучи, лишь ласкающіе въ горахъ все живое. Поэтому мы, жители горъ, и не можемъ жить въ долинахъ, гдѣ воздухъ тяжелъ, горячъ и удушливъ.

Стайки горныхъ куропатокъ съ рѣзкимъ крикомъ стали подниматься почти изъ-подъ ногъ лошадей. Туманъ разсѣялся, открывъ окрестности.

Прямо передъ нами поднималась огромная гора, на самой почти вершинѣ которой виднѣлись развалины какой-то крѣпости, издали имѣя видъ орлинаго гнѣзда, свитаго на недоступной вышинѣ. Высокія стѣны съ круглыми осыпавшимися башнями мрачно смотрѣли на насъ своими полуразрушенными бойницами.

— Кто здѣсь жилъ въ этой крѣпости, не знаешь-ли, аксакаль?

— Нѣтъ, тюра, не знаю. Старые люди говорятъ, что здѣсь жили прежде кефиры-невѣрные, не признававшіе Магомета-пророка изъ пророковъ. Но куда они ушли, никто не знаетъ. Должно быть ихъ уничтожилъ Аллахъ. Въ здѣшнихъ горахъ такихъ развалинъ много. Люди въ нихъ жившіе строили ихъ крѣпко и онѣ пережили вѣка. У самыхъ снѣговъ есть старыя крѣпости, въ которыхъ скрывались прежніе властелины Кагистана. Жили они вольно, никому не подчиняясь, и сами себѣ были и эмирами, и беками. Только отъ нихъ ничего не осталось. И ихъ потомковъ даже никто не знаетъ. Попадаются лишь иногда ихъ старыя деньги....

Во многихъ мѣстахъ стали виднѣться селенія, разбросанныя по склонамъ горъ.

Проѣзжая небольшой кишлакъ Самтичъ, я замѣтилъ группу женщинъ, столпившихся около одной изъ сакль. Высокаго роста, стройныя фигуры молодыхъ, красиво выдѣлялись среди нѣсколькихъ древнихъ старухъ. Темные большіе глаза и правильныя черты напоминали собою лица древнихъ персовъ, а смуглый цвѣтъ лицъ дѣлалъ ихъ похожими на статуи темной бронзы. Смѣло глядя на проѣзжающихъ, онѣ провожали насъ любопытными взглядами.

Солнце уже стало низко и его косые лучи, освѣщая величественно-прекрасныя при закатѣ горы, придавали всему розовый оттѣнокъ, дѣлавшій окружающую картину еще привлекательнѣе.

Нѣкоторые хребты, какъ будто переливаясь, горѣли чудными тонами опала и рубина, переходя мѣстами въ совершенно фіолетовый оттѣнокъ. А ниже, сгустившись въ темно-сѣрыя и почти черныя тѣни, уже закрывались своимъ густымъ покровомъ мрачныя ущелья, имѣвшія видъ страшныхъ безднъ.

Поджаренный на угляхъ шашлыкъ изъ баранины показался особенно вкуснымъ. Благодаря тяжелой дорогѣ, сильно меня утомившей, лишь только голова опустилась на изголовье, какъ крѣпкій сонъ моментально унесъ меня въ какой-то невѣдомый мѣръ грѣзъ, среди котораго то появлялись картины дневныхъ впечатлѣній, то онѣ исчезали, уступая мѣсто чему-то фантастическому, не имѣвшему опредѣленнаго образа. Сонъ былъ тяжелъ и тревоженъ.

Проснувшись съ страшной головною болью, я долго не могъ очнуться.

— Все мангалъ виновать, угрюмо проворчалъ Нуретдинъ на мою жалобу о головной боли. Углей много положили, плохо они выжжены, оттого и болить голова, объяснилъ онъ, видимо самъ чувствуя себя нехорошо. Иногда бываетъ люди засыпаютъ и совсѣмъ не просыпаются, разоснавшись въ теплѣ, и лишь уже передъ смертью Азраилъ своимъ ледянымъ дыханіемъ освѣжаетъ затуманенныя головы.

Вешабъ широко раскинулся на берегу Заравшана и, окруженный густою зеленью садовъ, изъ-за которыхъ не видно было сакль, стоитъ у быстрого ручья того же имени, сбрасывающаго свои воды въ Заравшанъ. Каменистыя горы вокругъ поднимаются террасами, спускаясь къ руслу рѣки обрывомъ, съ котораго положенъ утлый мостъ, ведущій на лѣвый берегъ Заравшана, такъ какъ дорога по правому берегу отличается большими крутизнами и крайней трудностью для конной ѣзды; лишь пѣшеходы пользуются ею для сообщенія съ кишлаками Шебатка-Бала и Шебатка-Паянъ.

Большинство горныхъ кишлаковъ имѣютъ одно и тоже названіе съ добавленіемъ къ нимъ словъ Бала или Паянъ, опредѣляющихъ, гдѣ находится кишлакъ: паверху (Бала) или внизу (Паянъ). Обыкновенно населеніе одного и того же кишлака занимаетъ два мѣста, вверху и внизу, перекочевывая съ горъ на зиму внизъ и уходя вверхъ съ наступленіемъ лѣта.

Быстрая и многоводная горная рѣка Фанъ-Дарья, образуемая Ягнобъ и Искандеръ-Дарьей, берущая свое начало изъ Искандеръ-

кульскаго озера, впадаетъ въ Матчу, откуда собственно эта рѣка и начинается называться Заравшаномъ.

Киплаки Шебатка-Бала и Рарзь издали были замѣтны густою растительностью обширныхъ садовъ, среди которыхъ въ первомъ темнѣло зданіе большой мечети.

На высотахъ противъ Шебатки-Бала, также происходилъ бой русскаго отряда съ приверженцами Календарь-бека, повѣшеннаго затѣмъ въ Самаркандѣ.

Въ 1875 году, волненія, начавшіяся въ Кокандскомъ ханствѣ, отразились, среди населенія Кагистана, частью примкнувшаго къ этому движенію. Календарь-бекъ, получивъ отъ кокандскаго хапа Пулатъ-хана званіе Токсобы и подарки, сумѣлъ образовать многочисленную шайку изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Высланный небольшой русскій отрядъ разсѣялъ это скопище, взявъ штурмомъ завалы.

Дѣйствія русскаго отряда среди враждебно настроеннаго населенія, вдобавокъ къ тому возлагавшаго большія надежды на Бухарскаго эмира, стоявшаго съ 15-ти тысячной бухарской арміей въ Шахризабѣ и видимо ожидавшаго, чѣмъ окончатся волненія въ Кокандскомъ ханствѣ, заслуживаютъ особой похвалы своей рѣшительностью, благодаря которой разгоравшееся въ верховьяхъ Заравшана возстаніе было быстро погашено, а главные виновники его получили должное наказаніе.

За хребтомъ расположено Искандеръ-кульское озеро, получившее свое названіе отъ имени всемірнаго завоевателя, войска котораго стояли довольно долго на его берегахъ. Многочисленныя древнія могилы, разбросанныя по горнымъ склонамъ и ущельямъ, по преданію служатъ мѣстомъ вѣчнаго отдохновенія воиновъ великаго Искандера.

— Здѣсь есть много могилъ, гдѣ похоронены спутники и друзья Хозрета Искандера, рассказывалъ таджикъ, знавшій всѣ мѣста кругомъ. Заросли они травой и лежатъ въ нихъ храбрые, къ которымъ уже давно приходилъ ангелъ Аллаха совершить надъ ними свой предварительный судъ и будутъ они лежать спокойно до общаго великаго суда, когда прозвучитъ труба съ неба и умрутъ всѣ и на небѣ и на землѣ.

И каждый получитъ на судѣ, кто что заслужилъ, такъ какъ всѣ дѣла людей записаны въ книгу. Одни будутъ въ Едемѣ окруженные гуріями, вмѣстѣ съ пророкомъ Магометомъ, а другіе пойдутъ въ

адъ, гдѣ самъ Хозретъ Маликъ приготовить каждому страшныя мученія, а всѣ его 19 помощниковъ, сторожащихъ входъ въ адъ днемъ и ночью, потомъ будутъ терзать грѣшниковъ адскимъ огнемъ и водою и не будетъ никогда конца ихъ мукамъ.

Спутникамъ Великаго Искандера и Ширъ - Али Божьяго Льва скажетъ Аллахъ: идите вы всѣ въ садъ Едема, какъ общалъ я вамъ, такъ какъ всѣ вы легли отъ меча, истребляя невѣрныхъ...

Мулла тоже разъ мнѣ говорилъ, что съ ними будутъ и тѣ, что легли сраженные штыками и пулями урусовъ. Не знаю, правда ли это, тюра?

Но ты не обижайся: и среди урусовъ есть хорошіе люди, для которыхъ будетъ мѣсто въ Едемѣ, гдѣ они будутъ прислуживать правовѣрнымъ, добавилъ онъ въ утѣшеніе...

Кишлаки Шебатка-Бала, [Раръ и Теушенъ виднѣлись издали, окруженные густыми куртнами растительности. Горы Туркестанскаго хребта окаймляли край горизонта съ сѣвера.

Несмотря на то, что мы ѣхали довольно быстро, все же расчеты добраться къ зарѣ до Вардзиминора не оправдались и ночь застала насъ въ дорогѣ.

Темнота наступила безъ сумерекъ; будто кто-то огромнымъ покровомъ покрылъ всѣ окрестности, погрузивъ все въ густой сумракъ, ставшій непроницаемой стѣной передъ глазами, а затѣмъ, какъ-то разомъ, на почти черномъ фонѣ неба, высыпали мириады звѣздъ, разгораясь и посылая свои лучи на землю.

Яркими огромными казались нѣкоторыя звѣзды, будто брилліанты, сіяющіе на темномъ фонѣ небосклона. Порою разсѣкая сферы и оставляя огненный слѣдъ, описывая дугу, падали аэролиты, вспыхивая заревомъ гдѣ-то вдали и на мгновеніе освѣщая край горизонта. Рокотъ воды нарушалъ ночную тишину, врываясь въ нее то красивымъ ласкающимъ журчаніемъ, то сразу начиная страшный ревъ, будто проснувшись отъ долгой дремоты. Вдали небо казалось чернымъ, какъ чернила, и среди этой [черноты пробѣгали зигзагами молніи.

Я ѣхалъ, глубоко задумавшись, убаюкиваемый ритмическимъ ходомъ лошади, не обращая вниманія на крутизны, закрытыя темною завѣсою. Лошадь шла увѣренно по тропѣ, спокойно поднимаясь на подъемы и осторожно спускаясь съ переваловъ. Уже на-

чинала одолѣвать дремота, изъ которой совершенно неожиданно вывелъ меня голосъ Нуретдина.

— Тюра, смотри, что у моей лошади! испуганно крикнулъ онъ. Я обернулся.

Небольшыя фосфоресцирующіе языки виднѣлись на ухахъ лошади. Минуту спустя еще одинъ зажегся на концѣ ствола винтовки, висѣвшей у него за спиною. Еще минута и тоже самое появилось на ухахъ моей лошади.

— Это нехорошо, тюра. Это нечистый! громкимъ шопотомъ заговорилъ Нуретдинъ. Смотри, пожалуйста, поймать нельзя, уходить, размахивалъ онъ руками, стараясь схватить огонекъ.

Совершенно невольно его тревожное чувство передалось и мнѣ, но черезъ минуту я вспомнилъ про огни Св. Эльма и успокоился.

Будто дразня, огоньки начали появляться на вершинахъ деревьевъ и затѣмъ на остроконечныхъ выступахъ каменистыхъ горъ. Зрѣлище было крайне оригинально и производило сильное впечатлѣніе, но Нуретдинъ тревожно вертѣлся на сѣдлѣ и что-то продолжалъ бормотать себѣ подъ носъ.

Ведя коней въ поводу и перебравшись черезъ утлый, державшійся лишь на совѣсти, мостъ, мы наконецъ добрались до ночлега.

Кишлакъ Вардзиминоръ тонулъ во мракѣ и все население спало крѣпкимъ сномъ; только бѣшеный лай встревоженныхъ собакъ долго нарушалъ тишину, отдаваясь эхомъ въ ближайшихъ ущельяхъ.

Отъ Вардзиминора дорога идетъ по теченію Фанъ-Дарьи мимо озера Искандеръ-куля и черезъ переваль Мура въ Гиссарскій край, отдѣленный отъ бассейна Заравшана снѣговыми горами Гиссарскаго хребта, остроконечныя снѣжныя вершины котораго, будто огромныя бѣлыя сахарныя головы, поднимались на краю горизонта.

— А я, тюра, здѣсь старыя деньги нашель, сообщилъ мнѣ утромъ Нуретдинъ, высыпая порядочную кучку серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ на кошму. Старый человекъ одинъ здѣсь есть, продать хочеть.

Передъ моими глазами замелькали монеты. Чего, чего тутъ не было: греческая драхма съ классическою совою чередовалась съ бактрійскими, арабскими и персидскими деньгами. Клинописныя надписи нѣкоторыхъ повергали въ совершенное смущеніе своимъ

своеобразнымъ видомъ и тутъ-же, къ моему несказанному удивленію, оказалось и нѣсколько монеть древне-русскихъ съ надписями на церковнославянскомъ языкѣ. Цѣлый нумизматическій музей.

— Въ Мекку идти хочеть, оттого и продаетъ. Просить за все гамузомъ триста денегъ.

Послѣ довольно продолжительнаго торга, монеты были куплены и, сведя новое знакомство съ хозяиномъ ихъ, мы начали свою дневку утреннимъ чаепитіемъ.

— Скажи баю, что я ему желаю всего хорошаго въ его длинномъ путешествіи въ далекую Мекку.

— Благодарю, тюра, желаю также и тебѣ того же и полного довольства въ жизни.

— Ну, тюра то всѣмъ доволенъ и ничего не хочеть, пошутить аксакаль, хозяинъ нашей сакли.

— Нѣтъ, такъ не говори; довольныхъ людей нѣтъ, каждый чего-нибудь хочеть. Я слышалъ, что очень давно въ священномъ Самаркандѣ жилъ эмиръ, который не вѣрилъ, что есть довольные люди на землѣ и поэтому на воротахъ своего дворца написалъ: «Я, рабъ Божій, отдамъ дворець тому, кто счастливъ и всѣмъ доволенъ».

— Скажи, пожалуйста, какой неразумный человѣкъ! удивился аксакаль.

— И что же, вѣроятно, въ первый же день ему пришлось отдать свое имущество, чтобы сдержать эмирскую клятву?

— Нѣтъ, не пришлось... Всю жизнь въ немъ онъ прожилъ, такъ какъ тысячи людей приходили къ нему и говорили, что желаютъ получить этотъ дворець, такъ какъ они счастливы и всѣмъ довольны. Но мудръ былъ эмиръ. Внимательно смотрѣлъ своими ясными глазами въ душу каждаго и отвѣчалъ:

— «Иди, другъ, обратно, не для тебя этотъ дворець... Если бы ты былъ счастливъ и всѣмъ доволенъ, тогда бы ты не захотѣлъ моего дворца».

Прежде въ Вардзиминорѣ было самостоятельное бекство, замѣненное при русскомъ управленіи волостными правителями. Удобное положенія кишлака привлекало къ нему окрестное населеніе, связжающееся на его довольно многолюдные базары. Вѣковые туги и чинары красивой куртиную окружаютъ кишлакъ, сдвинувшись темною тѣсною группою около мечети.

Стадо коровъ и рабочихъ воловъ медленно двигалось по перекламъ кишлака, поднимая густые клубы пыли. Нѣсколько тад-

жиковъ, несмотря на свѣжую погоду, копавшихъ глубокую канаву, были совершенно обнажены до пояса и босикомъ; мускулистые темныя фигуры ихъ казались будто отлитыми изъ бронзы. Бѣлые, какъ жемчугъ, зубы красиво выдѣлялись среди густой черной растительности окладистыхъ бородъ и лишь отсутствіе икръ на ногахъ портило ихъ сильныя фигуры.

Сравнительно незначительныя площадки удобной для посѣвовъ земли, разбросанныя по склонамъ большихъ горъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на очень большой вышинѣ, понуждаютъ часть населенія уходить на заработки въ Самаркандъ, гдѣ трудолюбіе и сила горцевъ особенно цѣнятся хозяевами. Распахивая съ огромными трудностями каждый клочекъ земли горцы собираютъ съ нихъ хорошіе урожаи, чему благопріятствуютъ, частые дожди бывающіе въ этихъ мѣстахъ, и крайне рѣдкое появленіе сарапчи, на высотахъ.

Заравшанъ, между тѣмъ, постепенно и замѣтно для глаза увеличивался, масса воды, отъ вливающихся въ него горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, превращала его уже въ рѣку, имѣвшую такое огромное значеніе въ жизни населенія всей Заравшанской долины во всѣ времена. Принадлежа къ числу мѣстъ, густо населенныхъ съ глубокой сѣдой древности, вся Заравшанская долина послѣдовательно служила мѣстомъ жительства самыхъ разнообразныхъ народностей, смѣнявшихъ одна другую и оставившихъ въ ней цѣлый рядъ памятниковъ своего пребыванія.

Когда-то на зарѣ вѣковъ въ этихъ мѣстахъ, соприкасающихся съ крышею міра, жили тѣ самые народы, которые населяютъ нынѣ Европу и Индію. Въ преданіяхъ иранцевъ, мѣста эти носили общее названіе Айріана-Веджа, объединяя собою всѣ горы Азіи, на высотахъ которыхъ, за густой завѣсою прошлыхъ вѣковъ, вырисовываются слѣды пребыванія на нихъ племенъ славянскихъ, иранскихъ, индійскихъ и германскихъ, жившихъ въ этихъ трудно доступныхъ высяхъ, гдѣ въ теченіе десяти мѣсяцевъ царствовала суровая зима и лишь два мѣсяца было лѣто. Но все же, пользуясь покровительствомъ добраго духа Сугда, долго прожили здѣсь эти племена, пока, подъ вліяніемъ недостатка земли, не вынуждены были спуститься съ горъ въ долины.

Въ Зендъ-Вестѣ земля Сугда упоминается въ числѣ мѣстъ, вызванныхъ къ жизни творческою силою Ормузда, и древняя область Сугда въ персидской монархіи, о которой упоминается въ числѣ

сатрапій Дарія, была безъ сомнѣнія Согда или позднѣе Согдіана, лежавшая по теченію рѣки Заравшана.

Для русскихъ же земли эти вдвойнѣ интересны, такъ какъ по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно предполагать, что славянскія племена долгое время жили въ этихъ мѣстахъ.

Подтвержденіе этого предположенія можно найти у Ктезія, сообщающаго, что древніе саки, признаваемые многими учеными за славянъ, а также родственныя имъ племена скифовъ и парфянъ, образовали государства, занимая мѣстность отъ Тянь-Шаня до Оксуса, причемъ столицею ихъ былъ городъ Росанака (Росанъ) или Рушанъ, лежащій выше Шугнана. Кромѣ того, южнѣе Ясина, въ теперешнихъ англо-индійскихъ владѣніяхъ на рѣкѣ Ярхунѣ, притокѣ Инда, есть развалины стараго города, носящаго также названіе Рушана. И надо думать, что совпаденіе этихъ названій съ названіемъ Росовъ, Росонакъ, Русовъ, далеко не случайное; еще въ древности, до выхода славянскихъ племенъ изъ Средней Азій, древніе историки знали эти племена, за долго до IX вѣка, считающагося началомъ славянской Руси. Недостаточное изслѣдованіе эпохи съ III по IX вѣкъ въ исторіи славянства составляетъ крупный пробѣлъ, могущій быть восполненнымъ лишь изъ китайскихъ, индійскихъ и персидскихъ источниковъ, такъ какъ существованіе племени росонакъ, или росъ-аланъ, жившихъ въ низовьяхъ Дона, не отрицается и европейскими историками, а имя Роксаны, встрѣчающееся въ русской исторіи, и имя Роксаны дочери Оксіарта, царя Бактрійскаго, бывшей женой Александра Македонскаго во время завоеванія имъ этихъ мѣстъ, также служатъ подтвержденіемъ того же предположенія.

Повидимому, двигаясь постепенно съ высотъ Памирскихъ и спустившись въ долины Заравшана, славянскія племена не сразу ушли изъ этихъ равнинъ, а долгое время жили въ этихъ мѣстахъ, въ силу чего преданіе о легендарномъ царѣ Афросіабѣ, создавшемъ сильное государство и построившемъ городъ на мѣстѣ нынѣшняго Самарканда, относится, какъ можно предполагать, къ одному изъ далекихъ нашихъ предковъ, а самая Заравшанская долина съ ея памятниками, въ большинствѣ случаевъ, закрытыми огромными пластами земли и понынѣ еще не изслѣдованными, должна въ особенности являться интересной для русскихъ, какъ могущая пролить свѣтъ на совершенно неизслѣдованное время въ жизни нашихъ далекихъ предковъ.

Жаль лишь, что большинство древнихъ городовъ, разбросанныхъ по долинѣ Заравшана въ мусульманскій періодъ, превра-

щены въ кладбища, въ силу чего и сдѣлались въ настоящее время недоступными для раскопокъ археологовъ и для изученія.

Глава II.

Пянджекентъ.

Изъ Вардзиминора дорога шла по правому берегу Заравшана и, по своей неразработанности и крутизнѣ, была несравненно хуже пройденнаго участка въ послѣдніе два дня. Снова потянулись долгіе и скучные часы подъемовъ на кручи и спусковъ въ глубокія ущелья. Обрывы въ видѣ сплошныхъ стѣнъ и карнизы подъ ними чередовались съ каменистыми, мало разработанными, подъемами, черезъ которые тропа вилась винтомъ, поднимаясь все выше и выше.

Масса дѣтей въ кишлакѣ Искандерѣ, гдѣ мы рассчитывали сдѣлать, пройдя верстъ десять, привалъ, встрѣтила насъ веселыми и шумными криками. Черномазыя рожицы съ лукаво и весело смотрящими глазами были красивы, составляя чудную картину. Даже мрачный таджикъ, ѣхавшій съ нами изъ Вардзиминора и не проронившій всю дорогу ни одного слова, привѣтливо усмѣхнулся и крикнулъ что-то веселое, отчего вся куча дѣтвора еще больше зашумѣла, а одинъ изъ самыхъ бойкихъ подбѣжалъ къ нему и что-то началъ болтать, плохо выговаривая слова. Таджикъ порывлся запазухой и подаль ребенку кусокъ сахара.

— Стрась любятъ они дѣтей, указаль Нуретдинъ. Русскіе не такъ. Отчего это, тюра? Я видѣлъ въ Самаркандѣ, тамъ русскіе своихъ дѣтей часто бьютъ и дѣти все время плачутъ. Отчего же у насъ не такъ?

Я, невольно попавъ въ затруднительное положеніе, не нашель что отвѣтить и промолчалъ, хотя въ тоже время, невольно вспоминая видѣнныя мною картины русской дѣйствительности, и вынужденъ былъ мысленно съ нимъ согласиться.

Эта странная любовь къ дѣтямъ является одною изъ особенностей всѣхъ восточныхъ народовъ, рѣзко ихъ отличающихъ отъ европейцевъ. И какъ это ни странно, но, несмотря на кажущіеся съ нашей точки зрѣнія недостатки мусульманства, его послѣдователи стоятъ въ этомъ отношеніи несравненно выше христіанъ европейцевъ, не зная; проституціи, дѣтоубійства, подкидыванія дѣтей, а также не имѣя даже понятія о старыхъ дѣвахъ, благодаря тому обстоятельству, что каждая дѣвушка, если только она спо-

собна къ дѣторожденію, дѣлается матерью, выполняя свое главное назначеніе, установленное природою.

Кишлакъ Искандеръ, повидимому, какъ и все въ этой странѣ, носить въ своемъ названіи память о Великомъ Македонцѣ, оставившемъ такой яркій слѣдъ въ народныхъ преданіяхъ, что, несмотря на истекшіе двадцать три вѣка, онъ такъ же ярокъ, какъ и въ первое время завоеванія имъ страны.

Поздно вечеромъ мы добрались до кишлака Урмитана, миновавъ по дорогѣ кишлакъ Дордоръ и два-три маленькихъ кишлака, виднѣвшихся по склонамъ горъ.

Изъ Урмитана снова приходилось переправляться на лѣвый берегъ Заравшана.

— Мостъ былъ, но испортился, и придется переѣхать на гупсарахъ, разрѣшилъ утромъ мое недоумѣніе аксакаль, видя, что я остановился на берегу, глядя на мутныя волны быстро текущей рѣки.

Фыркая и сильно работая ногами, плыла нѣсколько минутъ спустя сильная и привычная лошадь, къ которой привязанъ былъ гупсарный плотъ. Въ три приема переправлены были и мы и наши вещи, и снова завьюченный и привычною рукою Нуретдина весь нашъ небольшой караванъ потянулся по дорогѣ, сравнительно лучшей и проходившей по болѣе отлогимъ мѣстамъ.

— Въ Дашти-Козы переправимся въ бродъ, а потомъ до Пянджекента опять поѣдемъ по правому берегу, отвѣтилъ проводникъ на мой вопросъ о дорогѣ.

Горы между тѣмъ все больше и больше отходили къ сѣверу и югу, расширяя долину и открывая къ западу широкій горизонтъ, въ концѣ котораго уже виднѣлась растительность Пянджекента, а съ лѣвой стороны узкая долина обозначала собою теченіе Магіанъ-Дары, долина которой также извѣстна съ очень отдаленныхъ временъ; Магіанскія рѣки Соби-Сурхъ или Сіоба и Дугданъ неоднократно упоминаются греческими и арабскими географами.

За кишлакомъ Мондона можно было замѣтить, что мы постепенно спускаемся въ равнину; дорога дѣлалась все отложе и отложе.

Самъ Пянджекентъ—древній городъ, основанный въ очень отдаленное время, находится при началѣ цѣлой сѣти глубокихъ каналовъ, выводящихъ воду изъ Заравшана, изъ которыхъ главные Дашъ-Арыкъ и Кайнарт-Арыкъ. Пянджи-Кентъ, что значитъ—городъ пяти, получилъ свое названіе отъ пяти главныхъ каналовъ, служившихъ жизненными артеріями всей Согдіаны и Бухары; онъ охранялъ своими

гарнизонами эти ирригаціонныя сооружеія отъ разрушенія ихъ сосѣдними племенами: когда-то почти одновременно съ возникновеніемъ Согды, построена была, какъ говоритъ преданіе, крѣпость Афросіабомъ, а около нея построены были городъ, жители котораго вмѣстѣ съ гарнизономъ обязаны были защищать ирригаціонныя сооружеія; особыя плотины, входившіе въ рѣку, повышали уровень воды, вслѣдствіе чего вода расходится по арыкамъ, часть древнихъ плотинъ въ настоящее время замѣнена новыми, а нѣкоторыми уже не пользуются, какъ пришедшими въ разрушеніе.

Въ древнихъ рукописяхъ есть сообщеніе, что въ горахъ подъ Джиганіаномъ у Вараса (Бураса) была главная плотина, откуда воды Заравшана раздѣлялись по каналамъ, вытекая изъ этого резервуара, имѣвшаго видъ озера; главные каналы носили названіе Варминъ и Дебусъ съ городами такого же названія.

При бухарскихъ эмирахъ Пянджекентъ составлялъ полу-независимое бекство, постоянно враждовавшее съ сосѣднимъ Ургутомъ. Близость къ Самарканду, а также къ Китабу съ Шахризябомъ и къ Джизаку, способствовала развитію въ немъ значительной торговли, отчасти упавшей съ проведеніемъ Самаркандско-Термезскаго тракта, по которому товарное движеніе стало совершаться прямо изъ Самарканда въ Шахризябъ, минуя Пянджекентъ.

Въ 1873 году волненія, начавшіяся въ Кокандскомъ ханствѣ, и двухмысленная роль Бухарскаго эмира Музафера-хана не могли не отразиться на населеніи Пянджекента и его окрестностей, а прибытіе эмира съ 15 тысячами войскъ въ Шахризябъ, земли котораго непосредственно прилегали къ Пянджекентскимъ, и видимый для всѣхъ его выжидательный образъ дѣйствій производили сильное впечатлѣніе на пянджекентцевъ. Присутствіе при войскахъ эмира до 40 артилерійскихъ орудій еще нагляднѣе подчеркивало его силы; онъ очевидно ожидалъ, какой оборотъ приметъ возстаніе въ Кокандскомъ ханствѣ и въ Матчѣ и въ благопріятномъ случаѣ былъ готовъ напасть на русскія войска, расположенныя въ Самаркандѣ. Лишь по настоятельному требованію Бухарскій эмиръ вывелъ свои войска въ Бухару и тогда подавленное въ Матчѣ возстаніе, а вмѣстѣ съ этимъ и волненія въ Пянджекентѣ, окончились, а населеніе, признавъ окончательно силу русскихъ войскъ, обратилось къ мирнымъ занятіямъ.

Въ первый разъ послѣ завоеванія края русскія войска заняли Пянджекентъ въ 1868 году, а затѣмъ въ 1870 году была снаря-

жена Искандеръ-кульская экспедиція въ Кагистанъ, прошедшая по всему Заравшану и посѣтившая Пянджекентъ, Фань, Ягнобъ и Матчу.

Невдалекѣ находятся развалины древняго Искандеръ-Пянджекента, который орошался особымъ подземнымъ арыкомъ изъ Маганъ-Дарьи. Еще теперь существуютъ слѣды этого сооруженія въ видѣ колодцевъ Кериза, находящихся на разстояніи 20 саж. другъ отъ друга и глубиною до 40 саж., система эта возобновляется.

Въ настоящее время Пянджекентъ служитъ мѣстопробываніемъ цянджекентскаго пристава, входя въ составъ Самаркандскаго уѣзда. Большой базаръ съ многочисленными лавками купцовъ указываетъ, что и теперь онъ имѣетъ большую торговлю.

Развалины старой калы виднѣются сквозь зелень, живописно разросшуюся вокругъ и, вспоминая минувшее, своими осыпавшимися стѣнами смотрятъ на современную жизнь, такъ далекую по своимъ условіямъ и мало похожую на прежнюю. Давно ли, всего 40 - 50 лѣтъ тому назадъ, подъ ея стѣнами слышались выстрѣлы, лязгъ и звукъ оружія! Дикіе наѣзтники степей, туркмены, вольные горцы Кагистана и бухарскіе сарбазы толпились цѣлые дни передъ выѣздными воротами, ожидая слуховъ о новой войнѣ съ урусамы, или, ведя бесѣду о прежней привольной жизни, полной военной тревоги, готовились въ набѣгъ на сосѣднихъ Джизакцевъ или Кп-табцевъ. Все это отошло далеко назадъ и теперь лишь въ базарные дни площадь покрыта густой толпой собравшихся изъ окрестностей для продажи и покупки необходимаго въ ихъ житейскомъ обиходѣ.

Русская мануфактура, желѣзо, бакалея постепенно вытѣснили предметы мѣстнаго производства, а лемехъ и серпъ окончательно утвердились среди населенія и, взамѣнъ сабель и мултуковъ, въ большомъ числѣ наполняютъ собою лавки торговцевъ, служа нагляднымъ указателемъ на развитіе земледѣлія въ краѣ.

Огромные вѣковые чинары привольно разрослись, благодаря обилію воды; ихъ сѣровато-бѣлые стволы достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ, служа своимъ дупломъ помѣщеніемъ для школы и жилья для учителя. Старинная мечеть, окруженная такими же великанами, съ прудомъ и журчащими по двору арыками, особенно красива въ жаркій лѣтній день, маня каждого зайти для отдыха и молитвы подъ тѣнь своего сада, черезъ густую листву котораго не проникаетъ ни одинъ лучъ солнца. Въ прозрачной водѣ пруда виднѣются стаи рыбъ, шаловливо играющихъ на солнцѣ и совершенно не боящихся людей.

— Рыбы эти священны, ихъ ѣсть нельзя; кто убьетъ хоть одну, съ тѣмъ случится какое нибудь несчастье, пояснилъ одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ-же.

Здѣсь и змѣи есть также, но ихъ люди не трогаютъ и онѣ въ свою очередь людямъ вреда не приносятъ. Каждый день въ воду бросаютъ куски хлѣба и зерна пшеницы; тогда уже всѣ, сколько есть, собираются и рыбы и змѣи къ кормящему. Въ свѣтлую лунную ночь онѣ также поднимаются со дна и играютъ на поверхности.

Старая мечеть какъ то сумрачно глядѣла своими рѣшетчатыми окнами на современную жизнь; она за долгіе годы своего существованія, видимо, пережила многое. Слѣды новѣйшихъ поправокъ виднѣлись во многихъ мѣстахъ зданія, потерявшаго, благодаря этому, свой прежній видъ, который оно имѣло во время постройки три, четыре столѣтія тому назадъ.

Изъ древнихъ памятниковъ особенное вниманіе обращаетъ на себя мраморный надгробный камень со слѣдами арабской надписи, лежащій около Искандеръ-Пянджекента.

За Пянджекентомъ мѣстность понижалась, переходя въ равнину. Горы какъ будто раздвигались, образуя широкую долину, среди которой, блестя и искрясь на солнцѣ, виднѣлась цѣлая сѣть рукавовъ Заравшана. Высокія плотины головъ арыковъ, отводящихъ воду для орошенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлялись. Сотни людей таскали землю, щебень и фашины, возобновляя разрушенія, сдѣланныя водою. Нѣсколько далѣе, около поставленной кибитки сидѣло два старика-туземца.

— Волостной управитель и арыкъ-аксакаль, указалъ Нуретдинъ на нихъ. Если тыра хочеть, можно отдохнуть у нихъ: знакомые люди.

Глава III.

Джума-Базаръ и Ургуть.

Красивый старикъ съ темными глазами и серебряной бородой всталъ при нашемъ приближеніи. Другой чернобородый упитанный туземецъ поднялся за нимъ слѣдомъ.

— Арыкъ аксакаль Имамъ Ніазъ привѣтствуетъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, желая всего хорошаго и полнаго отдыха подъ нашимъ кровомъ, быстро заговорилъ старикъ, пожимая руку.

Волостной поздоровался молча и тотчасъ-же занялъ свое прежнее мѣсто, взявъ въ руки піалу съ чаемъ.

— Прощу садиться. Можетъ быть угодно чаю? Въ дорогъ полезно освѣжиться этимъ напиткомъ, который привозятъ намъ изъ далекаго Китая.

— Отецъ всегда живетъ здѣсь? спросилъ я его, чтобы начать разговоръ.

— Да, вотъ уже скоро столѣтіе, какъ я родился и живу въ киш. Гульбе, что виднѣется вонъ тамъ вдалькѣ? Слабыми своими силами служу людямъ, завѣдуя водою и распредѣленіемъ ея.

— Вѣроятно отецъ учился этому дѣлу?

— Да, мой отецъ и отецъ моего отца были также, кто арыкъ-аксакаломъ, а кто миръ-абомъ и съ дѣтства я все время былъ съ ними, видѣлъ ихъ работы и выучился при нихъ; поэтому и знаю какъ вести воду и прорыть каналы для этого. Но я старъ сталъ и теперь уже сыновья мои учатся при мнѣ. Мы передаемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе свои знанія и меня отецъ научилъ узнавать воду...

Теперь осенью весь народъ приходитъ на работы и чинить головы арыковъ, кромѣ того, почти постоянно, дѣлаемъ новые, чтобы оросить новую бесплодную землю. Я смотрю за всѣми, а въ помощь мнѣ въ каждомъ кишлакѣ и на каждомъ арыкѣ есть особый миръ-абъ, слѣдящій за правильнымъ распредѣленіемъ водъ на поля между людьми.

Выпивъ нѣсколько чашекъ зеленаго чая и поблагодаривъ, двинулись дальше. На равнинѣ было гораздо темнѣе, нежели въ горахъ, и къ полудню, несмотря на декабрьскій день, солнце припекало порядочно, заставивъ снять съ себя все теплое платье.

Мѣстность дѣлалась все населеннѣе и вездѣ виднѣлась растительность около кишлаковъ. Постоянно встрѣчавшіеся люди служили признакомъ, что мы уже вступили въ населенную и культурную полосу.

— Вонъ тамъ видно за холмами: это Самаркандъ, вывелъ меня изъ задумчивости Нуретдинъ. Ночуемъ въ Гульбе и завтра къ обѣду будемъ въ городѣ; тамъ можно хорошаго палау поѣсть, облизнулся онъ, предвкушая удовольствіе полакомиться любимымъ блюдомъ.

Кишлакъ Джума-Базаръ остался въ сторонѣ, а впереди уже показывались околицы Гульбе. Весь этотъ раіонъ славится лошадьми, носящими названіе ургутскихъ, отъ имени Ургута, лежащаго невдалекѣ, верстахъ въ 20—25 отъ дороги, въ предгорьяхъ Аксанъ-Тау, горная цѣпь которыхъ служитъ границею между Самаркандскою областью и Бухарскими владѣніями.

Базары въ Джумѣ, Гульбе и Ургутѣ привлекаютъ сюда большое число конскихъ барышниковъ, скупающихъ лошадей и перепродающихъ ихъ затѣмъ на Самаркандскихъ базарахъ для вывода въ Фергану и Закаспійскую область.

Арыки, между тѣмъ, почти постоянно встрѣчались по дорогѣ, выводя воду изъ рѣки въ сторону; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они, образуя цѣлую сѣть, шли параллельно на очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи.

Заравшанъ раздѣлялся на нѣсколько протоковъ, изъ которыхъ выдѣлялись по величинѣ въ особенности два, а остальные были меньше. Южный протокъ называется Кара-Дарья и идетъ до самой Бухары, сѣверный же носитъ названіе Заравшана.

Листья на деревьяхъ уже поблекли и имѣли оранжево-желтый цвѣтъ. Камыши, покрывавшіе берега рѣки, также высохли, приобрѣтя какой-то мертвый оттѣнокъ, сливаясь мѣстами съ почвою, и лишь вода рѣки ярко блестя, переливаясь на солнцѣ и ослѣпительно сверкая, какъ огромные куски зеркаль, оправленныхъ въ желтые рамки отцвѣтшей растительности. Стаи водяной птицы поднимались изъ зарослей, наполняя окрестности своимъ крикомъ. Пернатое населеніе собиралось откочевывать на югъ и поэтому, оживленно перекликаясь, садилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ огромномъ количествѣ. Красивые сѣрые журавли, спокойно смотря на пролѣзжающихъ, совершенно безбоязненно расхаживали по болотамъ. Съ безпорядочными криками поднимались и долго кружились въ воздухѣ утки. Грузно взлетали тяжелые жирные гуси, громко перекликаясь между собою. Ибисы, чайки, кулики всѣхъ видовъ виднѣлись на отмеляхъ, хлопотливо разыскивая что-то среди водорослей. Въ своеобразный концертъ птичьихъ голосовъ, покрывая ихъ иногда, врывался звучавшій металлическимъ тембромъ крикъ лебедей, полными звуками наполняя окрестность.

— Хорошая птица, одобрилъ Нуретдинъ, глядя на огромныхъ бѣлоснѣжныхъ птицъ. Теперь на Аму-Дарья летѣть хочетъ, тамъ теплѣе зима бываетъ. А другія и дальше полетятъ.

Мѣстами пашни тянулись въ обѣ стороны на далекое разстояніе, но поля уже были пусты, жатва давно снята. Кое-гдѣ виднѣлись туземцы, работавшіе надъ вспашкою земли подъ новые посѣвы. Пара быковъ съ большимъ трудомъ шла по полю, прокладывая туземнымъ плугомъ мелкую борозду и отваливая твердые комья земли, которые сзади разбивалъ другой рабочий, ударяя по нимъ деревяннымъ молоткомъ на длинной рукояткѣ. Рядомъ, на сосѣдней полосѣ, производилась бороньба вспаханнаго поля, причѣмъ бороной служила вязанка крупнаго хворосту съ положеннымъ на нее грузомъ изъ нѣсколькихъ камней. Съ большими

усиліями тащили быки эту своеобразную борону, оставлявшую сади себя широкій слѣдъ разровненной земли, на которой уже послѣ производился засѣвъ зерна. Распашка земли была самая поверхностная, но огромное плодородіе леса давало всегда, несмотря на примитивность способовъ обработки, значительные урожаи.

Въ Гульбе, во дворѣ караванъ-сарая, толпилось много народу. Густой, ѣдкій запахъ горѣлаго кунжутнаго масла слышался на далекомъ разстояніи, было шумно и людно.

Хозяинъ караванъ-сарая, встрѣтивъ насъ около воротъ, указалъ на помѣщеніе, у дверей котораго сидѣло нѣсколько, видимо, должностныхъ туземцевъ.

— Самъ Хакимъ, начальникъ уѣзда здѣсь, почтительно шепотомъ сказалъ одинъ изъ нихъ, указывая на помѣщеніе, гдѣ около колченогаго стола, покрытаго полотномъ сомнительной чистоты, сидѣлъ небольшого роста сѣдой полковникъ. Напротивъ помѣщался рослый докторъ.

— А, старый знакомый, привѣтливо крикнулъ полковникъ, узнавъ меня. Откуда Богъ несетъ? А мы здѣсь служебными дѣлами занимались. Садитесь, вѣдь вы кажется знакомы, обратился онъ къ доктору.

Попавъ въ общество хорошо знакомыхъ людей, я раньше всего забросалъ ихъ вопросами о томъ, что дѣлается на свѣтѣ.

— Ну, вы какъ съ неба свалились, если не знаете такихъ новостей, смѣялся симпатичный полковникъ. Да и видъ у васъ такой, что, пожалуй, если бы въ Россіи, то полиція сейчасъ бы задержала по подозрѣнію; хорошо, что здѣсь привыкли ко всякимъ костюмамъ. Ничѣмъ не удивись.

Усѣлись около стола; за чаемъ завязался разговоръ о текущихъ событіяхъ. Докторъ мрачно молчалъ, лишь прислушиваясь къ общему разговору.

— Одна изъ главныхъ новостей, касающихся Туркестанскаго края это скорая передача его въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ полковникъ. Военное вѣдомство, какъ и вездѣ, принявъ на свои плечи дикій, некультурный край, за 40 лѣтъ подготовило его къ государственной жизни, затративъ на это массу труда. И чтобы ни говорили, а все-таки роль военныхъ здѣсь на принципъ культурно-просвѣтительномъ была огромна. Все вѣдь управленіе края находилось въ рукахъ военныхъ. Военный губернаторъ, начальники уѣздовъ, помощники ихъ, пристава, совѣтники областныхъ правленій и, наконецъ, члены податныхъ поземель-

ныхъ комиссій: все наши же офицеры, положившіе на службу краю и населенію много труда, энергіи и здоровья. Какъ ни какъ, а военные съ гордостью могутъ сказать, что ими сдѣлано здѣсь очень многое.

— Да, это, пожалуй, отчасти такъ, но все-таки нельзя отрицать, что произволъ здѣсь большой, заговорилъ докторъ.

— Полноте, развѣ можетъ быть иначе въ краѣ, гдѣ на 5¹/₂ мил. туземнаго населенія не больше 300 тысячъ русскихъ, возражалъ полковникъ. Съ этимъ слѣдуетъ считаться. Какъ дѣйствуютъ французы въ Алжирѣ, нѣмцы—въ Камерунѣ? У насъ все куда легче, и въ полной неприкосновенности—и религія, и обычай туземнаго населенія, причемъ введена выборная система для цѣлаго ряда должностей. Ну а что есть погрѣшности во всей системѣ управленія, то онѣ и должны быть. Хотя право ихъ не больше, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

— Погодите, вотъ съ введеніемъ новаго положенія въ краѣ..., вмѣшался въ разговоръ приставъ капитанъ N, но докторъ его перебилъ.

— Вотъ, кстати, слышали вы, что вездѣ въ газетахъ пишутъ объ уничтоженіи должности генераль-губернатора? Это правильно...

Но тутъ полковникъ его перебилъ:

— Все это вздоръ—надо усилить его власть на этой окраинѣ, генераль Мищенко также это доказывалъ...

Совершенно невольно имя пріобрѣтшаго крупную извѣстность въ Русско-японскую войну генерала заставило вспомнить самую войну.

Споръ завязался горячій и, судя по выраженію лицъ заглядывавшихъ изрѣдка въ двери туземцевъ, крайне громкій и сильно ихъ смущавшій; о чемъ такъ кричать и возмущаются русскіе тюрь?

До поздняго вечера шелъ этотъ споръ, перескакивавшій съ одного вопроса на другой, и лишь подъ утро, усталые и охрипшіе, мы улеглись спать въ повалку на богатомъ коврѣ и одѣялахъ, разостланныхъ въ изобиліи на полу комнаты.

Д. Логофетъ.

